

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ «ТАЙНОГО МАСОНА» ПЕТРА ЯКОВЛЕВИЧА ЧААДАЕВА

Я. В. Быстрова^а, А. А. Львов^б

^а Санкт-Петербургский государственный институт культуры (СПбГИК), Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

^б Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация

Аннотация: Цивилизационные достижения, к которым пришла молодая Российская империя имели не только положительную, но и отрицательную сторону. В частности, русские интеллектуалы уже в первой половине XIX в. столкнулись с рядом вызовов в культурной и духовной сфере жизни: при внешнем благополучии отказ от образа жизни, традиций и культуры повседневности отцов не мог на стать причиной глубокого мировоззренческого конфликта в умах «непоротого поколения». Одним из движений, повлиявшее на формирование самосознания европейски образованных людей рубежа XVIII–XIX вв., стало русское масонство: не обличенные политической властью энтузиасты пускались в активные поиски длинной в исторической перспективе традиции. Результатами такой интеллектуальной независимости, переросшей в нравственное самоопределение, стало формирование первых русских интеллектуалов, одним из блестящих представителей которых был П. Я. Чаадаев. В своих духовных поисках он обращался к немецкой философии, католицизму, эзотерическим учениям. Мы рассмотрим влияние на мысль «басманного философа» теории и практики Общества Вольных Каменщиков, задачей существования которых было преодоление характерных для многих интеллектуалов первой половины XIX в. мировоззренческих конфликтов. Отталкиваясь от основных постулатов, принятых в масонстве, мы проанализируем влияние этой «тайной науки» на становление взглядов Чаадаева и покажем, что его позиция во многом совпадала с идеалами «тайного масонства», развитыми немецкими философами. Сильное влияние европейских духовных ориентиров в сочетании с чисто русским стремлением к объединению духовных вершин как западной, так и восточной культур обуславливают стремление к духовному синтезу, характеризующему интеллектуальную почву, из которой произросли идеи первого публичного русского мыслителя.

Ключевые слова: П. Я. Чаадаев, мировоззрение, мировоззренческий конфликт, русское масонство, тайное масонство, тайная наука, русское Просвещение.

Благодарность: статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00603 «Наука как социальный институт в проектах российской модернизации (петербургский опыт)».

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; принята к публикации 10.12.2021.

© **Быстрова Яна Васильевна** — кандидат философских наук, доцент, заместитель директора центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, bystrova7@mail.ru

- © **Львов Александр Александрович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, a.lvov@spbu.ru
-

THE WORLDVIEW CONFLICT AND SPIRITUAL SEARCH OF “A SECRET FREEMASON” BY PETER CHAADAEV

Y. V. Bystrova^a, A. A. Lvov^b

^a St. Petersburg State Institute of Culture (SPbGIK), St. Peterburg 191186, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg 199034, Russian Federation

---

Abstract: The civilizational achievements that the young Russian Empire came to had not only a positive, but also a negative side. In particular, Russian intellectuals were dramatically challenged both culturally and spiritually, as they rejected the solid ground of the traditions of their ancestors. To show ostentatious wealth together with a deeper worldview conflict was very typical for the representatives of “non-flogged generation” in the first early 19th century. Russian freemasonry became one of the movements that influenced the shaping of the self-consciousness of European educated people at the turn of the 18th–19th centuries: they were pure enthusiasts not exposed by political power, who embarked themselves on an active search for a long tradition in historical perspective. The result of such intellectual independence, which grew into moral self-determination, was the formation of Russian intelligentsia, one of the brilliant of which representatives was Peter Chaadaev. In his spiritual quest, he turned to German philosophy, Catholicism, esoteric teachings. We consider the influence of the theory and practice of Freemasons on the thought of “Basmanny philosopher”. The main task for freemasons was to overcome the typical for many intellectuals of the first half of the 19th century worldview conflicts. Based on the masonic tenets we analyze the influence of their “secret science” on the formation of Chaadaev’s views and show that his position largely coincided with the ideals of “secret Freemasonry”, developed by German philosophers. The strong influence of European spiritual guidelines, combined with a purely Russian desire to unite the spiritual heights of both Western and Eastern cultures, determined the wish for spiritual synthesis, which characterizes the intellectual breeding ground of the first public Russian thinker’s ideas.

Keywords: Peter Chaadaev, worldview, worldview conflict, Russian Freemasonry, secret freemasonry, secret science, Russian Enlightenment.

Acknowledgments: this research was supported by a Grant from the Russian Foundation for Basic Research, project 19-011-00603 «Science as social institute in projects of the Russian modernization»).

Received September 27, 2021; in final form December 10, 2021.

- © **Bystrova Yana V.** — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Deputy of the Center of Continuous Education and Professional Development of the Creative and Management Staff in Culture, St. Petersburg State Institute of Culture, bystrova7@mail.ru
- © **Lvov Alexander A.** — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, a.lvov@spbu.ru
-

Введение. Постановка проблемы

Политические, научные и культурные высоты, достигнутые к середине XVIII в. представителями молодой Российской империи, имели не только положительную, так сказать, «лицевую», но и оборотную сторону. Если расширение и укрепление границ страны, установление жесткой системы государственной и воинской службы, ассимиляция и приумножение научных и технических знаний обучившимися за рубежом профессорами были парадной стороной процесса вестернизации России, то параллельно с этим, хотя и в тени, но неумолимо зрели ростки глубокого мировоззренческого кризиса, с которым не может не столкнуться ни одна экономически и политически динамично развивающаяся держава, сознательно отводящая на задний план традиционный уклад жизни своих отцов. В этом смысле Российская империя уже в начале своего исторического пути столкнулась с теми культурными вызовами, с которыми столкнулись восточные державы вследствие мировых войн в XX в. — наиболее ярким и характерным тому примером является Япония [1; 2]. Однако процессы, проходившие в умах зарождающейся русской интеллигенции и остро дебатировавшиеся как в великосветских салонах, так и в тайных обществах, были весьма своеобразны.

Молодые русские аристократы быстро усвоили в качестве завершенной системы взглядов и вместе с тем морального кодекса деистические воззрения просвещенных западноевропейцев. Не имея под ногами, а точнее, сознательно отказываясь от твердой почвы убеждений и традиций своих предков, они достаточно быстро стали относиться к духовно-нравственной сфере русского православия как к формальному определению лояльности монарху, правившему колоссальной православной державой. За внешним соблюдением обрядов и постов, а также благоговейным соблюдением церковных праздников скрывалось подлинное веселое эпикурейство, и стремление к плотским и умственным наслаждениям и забавам было равносильно стремлению войти в семью цивилизованных народов. В связи с этим В. Тукалевский писал: «Русское общество этого времени в религиозных вопросах переживало острый момент самоопределения. Перестраивалось мирозерцание “по обычаям предков” и создавалось новое. Это “новое” даже не было мирозерцанием, а скорее упрощенной наукой жизни, сводившейся к следующему: “Все знания и все науки отметай. / ...Все делай тленным. / То телом иногда ты душу называй, / То духа имя ей из милости давай. / ...скажи, что Бога нет, / ...что вера есть обман...” и т. д., и т. д. Так просто решались все “проклятые” вопросы тем

большинством, которое хотело “жить и наслаждаться”. Тем более одинокими среди других чувствовали себя те, кто сознательно относился и к окружающей действительности, и к своему внутреннему миру» [3, с. 236]. *Dolce far niente*, о которой игриво писал молодой Пушкин, манила как внешняя форма самоопределения при почти полном отсутствии изнутри сформированных нравственных идеалов.

Русское масонство стало одним из тех духовных движений не обличенных политической властью энтузиастов, которое оказало важное влияние на формирование самосознания европейски образованных людей, тоскующих по длинной в исторической перспективе традиции. Н. И. Новиков и И. П. Елагин, И. Е. Шварц и И. В. Лопухин много сделали для усвоения идей этого влиятельного интеллектуального и этически ориентированного европейского движения на плодородной почве русской культуры. Вместе с тем, история русского масонства таинственна и трагична: уже при Александре I великие ложи были запрещены по всей стране, а деятели масонства ушли в историческую тень, что дало поводы для различных конспиративных теорий, не имеющих почти никакого отношения к действительности. И вместе с тем влияние масонства на русское общество было огромным: «<...> масонство было идентично тогда (т. е. во второй половине XVIII в. — прим. авторов) с понятием интеллигенции в настоящее время (т.е. в 1914 г. — прим. авторов). <...> Мاسоны признавались открыто. Если же и была “тайна собраний”, то она вызывалась потребностью со стороны самих масонов. <...> Видные деятели эпохи были масоны. <...> Мы не будем приводить имена знатных и влиятельных лиц, которые принадлежали к масонству, но все это указывает лишь на то, что масонство признавалось как явление естественное и уж во всяком случае не заключающее в себе чего-либо исключительного» [3, с. 247–248].

Результаты нравственного самоопределения и интеллектуальной независимости, пестовавшиеся русскими масонами, дали свои плоды в первой половине XIX в., что весьма характерно для многих социальных и культурных процессов в России, бурно происходивших в XVIII в. В частности, нельзя отрицать их влияния на зарождающиеся в поздний период правления Александра I оригинальные философские взгляды русских интеллектуалов. Одним из них, если не *primus inter pares*, является Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), которого нередко называют первым профессиональным русским философом [4, с. 9]. В истории русской мысли по сей день остается фигурой противоречивой и парадоксальной, не исследованной во всей полноте, не осмысленной во всей своей культурной и философской многосторонности. Библиография

о Чаадаеве кратно превышает написанное им:¹ рецензии на «Философическое письмо», увидевшее свет в сентябре 1836 года в «Телескопе», многочисленные реакции современников и авторов начала XX века, эмигрантские и до сих пор печатающиеся сочинения и диссертации о нем во много раз превышают его «Полное собрание сочинений и избранных писем» [5; 6]. показательно изданное в на заре новой России, в 1991 году. Как бы не относились к «басманному философу» исследователи, к какому направлению не причисляли бы — к русскому шеллингианству, называли бы родоначальником западничества или славянофильства [7, с. 155] — какие бы источники его мысли не обнаруживали (от Платона, Локка и Шеллинга до Я. Бёме, Ж. де Местра и католической традиции), едва ли можно сказать, что положение Чаадаева в истории русской мысли стало вполне очевидным. Вплоть до сегодняшнего дня многие его заявления и прогнозы кажутся злободневными и насущными, а знаменитый диагноз, поставленным им русской истории — горьким пророчеством, настаивающем нас из глубины веков.

В связи с этим генеалогия философских взглядов П. Я. Чаадаева представляет особый интерес. В самом деле, невозможно адекватно понять и интерпретировать его идеи, высказанные еще в 1828–1829 гг., не принимая во внимание культурной и духовной почвы, из которой они произрастают. Несмотря на достаточно подробное изучение влияния на русского мыслителя классических философов и религиозных авторов, все же тема влияния на Чаадаева принципов и постулатов масонства не является распространенной среди исследователей. Между тем стремление к преодолению описанного выше мировоззренческого кризиса, сопряженного с рассуждениями о судьбах России, не может не быть возведено к теории и практике общества Вольных Каменщиков, задачей существования и работы которых было преодоление такого рода ценностных, духовных и мировоззренческих конфликтов. В нашей статье мы рассмотрим основные постулаты, принятые в масонстве как духовном движении, а также проанализируем влияние этой «тайной науки» на становление взглядов П. Я. Чаадаева.

Общие фундаментальные принципы масонства

Наиболее общие положения деятельности масонских лож и частных лиц-масонов были приняты еще в XVIII веке и зафиксированы в ряде исторических документов и уставов. Перечислим основополагающие принципы²:

¹ См., напр., библиографию, составленную С. Ю. Барановым в: [4, с. 820–832].

² В основных своих чертах излагается по: [3, с. 426–466].

1) масоны традиционно представляют собой союз людей *свободных и добрых нравов*, который объединяет представителей всех рас, национальностей и вероисповеданий. Для всех, кто вступил в братство, сохранение и развитие духовных ценностей человечества является первоочередной задачей. Масонство традиционно определялась своими последователями как этическая система, скрытая в аллегориях и иллюстрируемая символами: «Символы они называли “языком ока”, “языком души”, “внешним чертежом великих сокровенных истин”. Символы являлись мыслями, не облеченными в слова: “Лучшие наши мысли в мертвых письменах замирают,” — объяснял еще Гердер» [3, с. 428];

2) целью ордена Вольных Каменщиков, т. е. основная духовная задача, которую ставят перед собой и решают масоны, является самосовершенствование и приобщение других людей к просвещению для улучшения их в нравственном отношении. Неотъемлемой частью убранства любой Ложи является Книга Закона, которая указывает на признание братьями Великого Архитектора Вселенной как единого творящего духовного начала, к постижению мудрости которого масоны должны стремиться всем сердцем. Масоны традиционно представляют свою организацию как великую цепь передачи священного знания о мире, которая восходит к Адаму как к первому своему звену, непосредственно получившему знание от Бога;

3) личное духовное самосовершенствование каждого и братское единение — стержневые идеи масонства. Для этого масоны работают в Ложях, которые возводят свою историю к средневековым промышленным цехам, т. е. союзам товарищей в общем деле. Именно поэтому постулируется непременно равенство всех без исключения членов ордена;

4) масонство основано на чувстве единства Жизни и Высшего Нравственного Закона. В этом отношении незыблемым законом для Вольного Каменщика является золотое правило нравственности. Братья должны неукоснительно следовать ему и в Ложе, и в мире непосвященных (или профанов);

5) Вольные Каменщики признают себя Братьями и должны оказывать друг другу посильную помощь и поддержку, где бы они не оказались или не находились, даже в случае опасности для своей жизни. Они также обязаны оказывать помощь любому человеку, подвергающемуся опасности;

6) Вольные Каменщики обязаны уклоняться от открытого участия в каких-либо политических организациях или партиях и не допускать ассоциации братства или конкретной Ложи с какой-то политической партией или структурой. В этом смысле масоны (и в истории русского масонства до начала XIX в. это было очень заметно) всегда подчеркивали лояльность правящему режиму и уклонялись от непосредственной политической конфронтации с властью

на любых уровнях, тем самым подчеркивая свои духовные и нравственные интересы.

Итак, мы видим, что провозглашенные принципы масонства направлены на три главных задачи: во-первых, духовный рост и нравственное самосовершенствование (как следствие — индивидуализм) через искреннее вероисповедание, во-вторых, поддержка Братьями друг друга, несмотря ни на какие трудности, в-третьих, благотворительная деятельность и лояльность к власти. Известно, впрочем, что большинство руководителей Великой Французской Революции и некоторые философы-просветители были масонами; это и послужило одной из причин недоверия к масонам со стороны российского правительства после Павла I, приведшая к закрытию и роспуску всех масонских лож Империи [8]. Однако нельзя не отметить, что большую роль в организации масонских лож в России сыграли иностранцы, именно французы, приехавшие в страну в середине XVIII в.; кроме того, многие российские масоны были посвящены не в России, а за рубежом (Чаадаев, например, был посвящен в Кракове и только затем, в 1816 году принят в ложу «Соединенных братьев»). Кроме того, многие из посвященных того времени (начала XIX века) не были русского происхождения — достаточно назвать этнического немца П. И. Пестеля, этнического поляка М. Ю. Виельгорского, потомка балтийских немцев графа А. Х. Бенкендорфа и проч. Все это при масонском равноправии, эзотеричности и явно западных тенденциях внутри Ордена (например, общение исключительно на французском и преобладании шведской системы организации лож) [9], не говоря уже о личном знакомстве Братьев, моде на масонство, и недавней победе над Наполеоном и только что завершившемся походе на Париж, не могло не создать атмосферу интеллектуального космополитизма и широкого духовного толкования истории — вполне характерных качеств мышления «христианского философа» П. Я. Чаадаева.

Пути преодоления П. Я. Чаадаевым мировоззренческого конфликта

Исследуя вопрос о духовных исканиях П. Я. Чаадаева, мы неизбежно сталкиваемся с «легендой о Чаадаеве», которая как некий мозаичный портрет складывался на протяжении всего XIX столетия. В. В. Зеньковский, в своей статье «П. Я. Чаадаев как религиозный мыслитель» указывает на следующее обстоятельство: «<...> теургический мотив искал своего выражения и в оккультных исканиях русских масонов, и в мистической суетливости разных духовных движений при Александре I, — он же с исключительной силой выразился и у Чаадаева» [4, с. 480]. Д. С. Мережковский, прямо не называя

связи Чаадаева с масонством, настойчиво указывает на близость его к «декабристам-мистикам», на его западничество (чтение молитв на латыни, письмо на французском, философскую близость к Шеллингу), его религиозность, так или иначе инспирирует вопрос о более глубоких истоках мысли первого русского философа истории [4, с. 309–318]. Исследование истоков чаадаевского мировоззрения не может считаться полным без осмысления влияние на него, оказанного графом Ж. де Местром. Кроме того, что граф де Местр — один из тончайших интерпретаторов русского характера, видный деятель масонства, он еще и проникновенный исследователь католицизма, провозгласивший очень известный в свое время принцип *revelation de la Revelation*, т.е., «откровение Откровения». Поэт О. Э. Мандельштам, подчеркивающий духовную близость исканий Данте и Чаадаева, указывает на его западничество и, особенно, внимание к римско-католической доктрине как на характеристическое свойство русского мыслителя [10]. Кроме того, для зарубежных авторов, посещавших Россию в 1830–1840 гг. философ был олицетворением весьма характерного для многих русских интеллектуалов ощущения неудовлетворенности обычаями России и ее местом в мировой истории. Опираясь на исследователь русской литературы и культуры начала XIX в., А. А. Тесля указывает, что известный путешественник А. де Кюстин, оставивший воспоминания о своем посещении России в 1839 г., хотя и едва ли был знаком с самим Чаадаевым или читал его первое «Письмо», но при этом он несомненно знал «устную легенду о Чаадаеве», а также пересказывает в своих мемуарах взгляды, которые разделяли многие просвещенные люди того времени (в частности, это видно на примере беседы с кн. Козловским) [11, с. xxxv–xxxvi]. Сказанное позволяет нам констатировать, что уже к первой половине XX в. в русской философии сложился образ П. Я. Чаадаева как духовного мыслителя, эзотерика и затворника, ищущего подлинного знания в истоках разнообразных традиций.

Однако если о католичестве Чаадаева встречаются многочисленные, хотя и противоположные суждения, то о его масонстве в литературе сказано гораздо меньше. Известно, что «басманный философ» вступил в ложу «Соединенных братьев» в 1816 году, а покинул ее в 1822 году, еще до принятия Александром I решения о закрытии масонских лож. Из показаний Чаадаева по делу декабристов (1826 г.) следует, что в ложе ему была присвоена восьмая степень посвященности и выдан соответствующий патент [5, с. 578]. На 19-й вопрос Следственной комиссии о том, принадлежал ли он в России или за границей к каким-либо другим тайным обществам (еще 1821 г. мыслитель был принят в тайное декабристское общество своим университетским товарищем И. Д. Якушкиным [12, с. 444], Чаадаев отвечает следующее: «Ни к какому

тайному обществу никогда не принадлежал. Мнение мое вообще о тайных обществах видеть можно из находящейся в моих бумагах речи о масонстве, писанной мною еще в 1818 году, где ясно и сильно выразил мысль свою о безумстве и вредном действии тайных обществ вообще» [5, с. 578].

Очевидно, что речь идет не столько о масонстве как этической системе, сколько о практическом взаимодействии с Ложами, т. е. с организациями. Это же подкрепляется ответом на 14-й вопрос о сношении с масонскими ложами, на который Чаадаев отвечает: «Не только со времени запрещения, но и гораздо прежде я всякое сношение с масонскими ложами пресек по собственному удостоверению, что в оном ничего не заключается могущего удовлетворить честного и рассудительного человека. С ложей же Соединенный братьев, к которой я принадлежал, пресек совершенно свои сношения в то время, как по отставке выехал из Петербурга, на что и должен был сохраниться в делах оной ложи документ, моей рукой писанный. В одной бумаге изъявил, что я с той ложей никакого впредь сношения иметь не намерен» [5, с. 577]. Добавим сюда и примечание к этому месту текста, проясняющее обстоятельства такого решения Петра Яковлевича: «Ложа “Соединенных друзей” (sic!) была открыта А. А. Жеребцовым в Петербурге в 1802 г. и принадлежала к системе “французского масонства”. <...> В феврале 1817 г. между членами ложи произошел раскол в связи с ее переходом в союз Астреи (в Великой ложе Астреи, примыкавшей к немецкой системе Шредера, не было высших масонских степеней), причем, как утверждает на основе изучения “Протоколов шотландской директории” Н. М. Дружинин, “некоторые «либералисты», вроде П. Я. Чаадаева, предпочли ограничиться тремя иоанновскими степенями <...>”. Этому выводу, однако, противоречит факт наличия у Чаадаева патента на восьмую степень. В 1818 г. Чаадаев был членом ложи “Соединенных друзей” по пятой степени, в 1817–1818 гг. — в степени мастера, в 1818 — вторым надзирателем» [5, с. 759]. Кроме того, выше мы уже указали на преобладание в это время шведской системы масонства, победившей в борьбе с французской.

Итак, Чаадаев сознательно прекратил отношения с ложами, что вовсе не означает об отказе от идей, характерных для идеологии масонства. Напротив: вся его деятельность как «христианского мыслителя» была направлена на выражение единого принципа — поиска пути России и осмысления ее роли во всемирной, духовной по своей природе истории: «Там, где другие дают практический ответ — принимают католичество, уезжают на Запад навсегда или по меньшей мере на столь долгий срок, как это окажется возможно — Чаадаев дает ответ теоретический, ему важно не только и даже не столько сказать, какова Россия, сколько поместить ее в мировую историю, объяснить, почему она

такова» [11, с. xxxviii]. Этот «принцип Чаадаева», на наш взгляд, вырос из его личных духовных поисков путей преодоления коренного мировоззренческого конфликта, который драматически переживали многие интеллектуалы того времени.

Масонские мотивы в размышлениях П. Я. Чаадаева

Философические письма» наряду с «Апологией сумасшедшего» — многие завершённые философские произведения П. Я. Чаадаева. При жизни русский мыслитель увидел опубликованными всего две своих работы: небольшой отрывок «Об архитектуре» (также «О зодчестве») (1832) и первое «Письмо» (1836). Анализ указанных произведений даёт определённый материал для решения вопроса о влиянии на П. Я. Чаадаева масонских идей. Хотя напрямую достаточно сложно проследить связь Чаадаева с Обществом Вольных Каменщиков, точнее говоря, определить, насколько глубокой и существенной она была: по двум биографиям А. Лебедева и Б. Тарасова нельзя утверждать ничего определённого, тем более что упоминания о масонстве в связи с жизнью Чаадаева весьма скудны: у Лебедева в книге приводятся 17 мест, где идёт речь о Вольных Каменщиках, из них в 6 случаях упоминается Чаадаев, у Тарасова же — 13 мест, из них о Чаадаеве сказано всего в 5. Тем не менее, можно все-таки проследить влияние идей масонства на русского философа, размышлявшего о судьбах России *sub specie aeternitatis*.

Уже в первом «Письме» Чаадаев говорит, что подлинный дух религии заключается в «идее слияния всех, сколько их есть в мире, нравственных сил — в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей» [5, с. 321]. Это определённым образом коррелирует с принципом «внутренней» и, как следствие, «вселенской церкви» [7, с. 131]. Ниже у Чаадаева читаем: «<...> есть режим для души, есть режим и для тела: надо уметь ему подчиняться» [5, с. 323]. Затем, в том же письме, звучит столь родная мыслителю идея об интеллектуальной элите, подводящей к идее избранничества: «Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли <...>» [5, с. 329]. Это, на наш взгляд, замечательная иллюстрация идеологии Вольных Каменщиков, которую А. Ф. Замалеев резюмирует следующим образом: «От церковной соборности к духовному индивидуализму — таков был программный лозунг масонов» [7, с. 131].

Во втором «Письме» есть и такие строки: «Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни. Но это должно протекать в сердечном молчании, потому что мир не сочувствует ничему глубокому» [5, с. 344]. Что это, как не провозглашение «мирской аскезы», которую так сочувственно искали и ищут Вольные Каменщики? Подтверждение нашему тезису мы находим и далее по тексту: «<...> речь идет лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали» [5, с. 328]; Чаадаев очевидно противопоставляет прежнюю свою мысль общепринятому, каноническому взгляду на монашеский подвиг в том виде, как он сложился и в православии, и в католичестве. Вот еще пример масонского тезиса: «И потому высший разум, выражая свой закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами» [5, с. 349]. Обращаем внимание на понятие «высшего разума», которым в среде Вольных Каменщиков интерпретировался Великий Архитектор, то есть, Бог. Здесь же — указание на необходимость совершенствовать свою слабую человеческую природу. И, наконец, указание на равенство людей — как перед Богом, так и как если бы все люди стали братьями.

Ниже Чаадаев обращается к анализу чисто этических вопросов: «Что такое абсолютное благо? Это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению: вот все, что мы о нем знаем» [5, с. 349]; и в продолжение этой мысли он говорит следующее: «<...> жизнь духовного существа в целом обнимает собой два мира, из которых только один нам ведом, и так как всякое мгновение жизни неразрывно связано со всей последовательностью моментов, из которых слагается жизнь, то собственными силами нам невозможно возвыситься до познания закона, который неизбежно должен относиться к тому и другому миру» [5, с. 352]. Наконец, в заключение второго «Письма» Чаадаев указывает на то, что «распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим Богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи, <...> сохранение этих основ их передача из века в век, от поколения к поколению определяется особыми законами, <...> есть, конечно, какие-то видимые признаки, по которым можно распознать среди всех святых, рассеянных по земле, ту, в которой, как в святом ковчеге, содержится неприкосновенное средоточие истины» [5, с. 356]. Напомним, что одним из намерений масонов нередко

называют желание восстановления разрушенного Храма Соломона, считающегося вместилищем древней мудрости. Но тут же мы видим и типичный для масонских авторов прием: философ обращается к метафоре святого ковчега и идее передачи знания от поколения к поколению. По-видимому, здесь присутствует параллель с идеей Лессинга о том, что можно быть масоном, не будучи масоном: «Лессинг <...> доказывает, что сущность масонства заключается не в “обрядях, знаках, рисунках и словах”, даже не в делах благотворения, а в воспитании людей, согласно с идеалами гуманности. Масонство, в глазах Лессинга, это — не историческое, а отвлеченно идеальное понятие; оно существовало всюду, где люди были проникнуты чувством любви друг к другу и уважения к великим началам свободы и общественности» [3, с. 132].

Наконец, единство мира, явлений природы и человеческого творчества, играющие основополагающую роль в науке жизни масонов, Чаадаев иллюстрирует примерами из истории искусств и, в частности, зодчества. Он говорит, что в своем стремлении прославить Бога человек, будучи несомненной частью природы, все же поднимается в собственных архитектурных сооружениях до величия природы. Тем самым в человеке как бы аккумулируются все потенции природы, Вселенной, и в его творчестве достигают уровня вневременных символов: «В общем несомненно, что красота и добро исходят из одного источника и подчиняются одному и тому же закону, что они являются таковыми лишь в силу своей бескорыстности, что, наконец, история искусства — не что иное, как символическая история человечества» [5, с. 444].

Уже этих примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод: синкретическому религиозному мировоззрению, обнаруживающемуся в трудах Чаадаева, несомненно, свойственны идеи и положения Вольных Каменщиков. С другой стороны, следует отметить и идеи графа Ж. де Местра, которые во многом сформировали взгляды Чаадаева и определили направление его философского дела. Об отношении французского консерватора к масонству Н. А. Бердяев писал: «Масонство для де Местра было наукой о человеке. <...> Условием для вхождения в масонство Ж. де Местр предлагал поставить веру в божественность Иисуса Христа. Масонство в конце XVIII и начале XIX века было мистически окрашено, в те времена оно не приобрело еще того характера, какое он имеет сейчас (в 1926 году. — *А. Л.*), т. е. характера политических клубов, через которые делают карьеру. <...> Приходится признать, что в истории масонство бывало разным и служило разным целям. Значение книги де Местра («Франкмасонство». — *А. Л.*) в том, что она помогает разбить мрачную легенду о масонстве, которая способна довести слабых и склонных к одержимости людей до сумасшедшего дома» [13, с. 185–186]. Чаадаев,

изнутри знавший западное (в его польском варианте) и российское масонство, хорошо понимал проблему, которую описывает Бердяев — в этом смысле и увлечение русским мыслителем католицизмом предстает как попытка «побывать на западе и вернуться», развеяв, тем самым, глубокие сомнения относительно его чуждости и неприветливости. Одновременно с этим он надеялся преодолеть и мировоззренческий конфликт между «западным» и «восточным», остро переживавшийся многими его современниками и сверстниками.

Заключение

Многое в поведении и мирозерцании «басманного философа» было чисто европейским, и нельзя не заметить сходства его позиции с позицией многих немецких интеллектуалов XVIII — начала XIX вв., для которых тяга к масонству была тягой к идеалам, которое сами масонские уставы и сообщества по задумке своей как бы институционализировали. Следовательно, для многих (как, например, для Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера или Фр. Шиллера) лучше было быть скрытым масоном, действующим открыто, нежели наоборот. Не то же ли отношение было и у русских аристократов, воспитанных на идеалах и вольнодумстве просвещенной Европы, например, у декабристов, искавших тайных обществ как бы по привычке, но целью имевших облагораживание самых широких слоев российского общества.

Идеи Чаадаева о России были амбивалентными: с одной стороны, он понимал, что Россия еще ничего не дала миру, она еще только «страна вечных возможностей», которая когда-то сможет послужить другим странам великим урокам. Но с другой стороны, он никогда не отрицал великой нравственной задачи, выпавшей на долю русских интеллектуалов, а именно — возвыситься над опытом мировой истории и предложить духовно исполненную и объединяющую все начала систему мира. Эту амбивалентность иллюстрирует пассаж из письма Чаадаева к П. А. Вяземскому, в котором он также дает разъяснения насчет публикации, которая через два года произведет эффект разорвавшейся бомбы: «Мы находимся в совершенно особом положении относительно мировой цивилизации и положение это еще не оценено по достоинству. Рассуждая о том, что происходит в Европе, мы более беспристрастны, холодны, безличны и, следовательно, более нелицеприятны по отношению ко всем обсуждаемым вопросам, чем европейцы. Значит, мы в какой-то степени представляем из себя суд присяжных, учрежденный для рассмотрения всех важнейших мировых проблем. Я убежден, что на нас лежит задача разрешить

величайшие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих умы европейцев. И целиком в нашей власти оставаться на столько независимыми, насколько необходимо, настолько справедливыми, насколько возможно. Для них же это невозможно. Прошлое давит на них невыносимо тяжким грузом воспоминаний, навыков, привычек и гнетет их, что бы они ни делали. Исходя из всего этого вы поймете, что я должен сперва исчерпать все возможности публикации в своей стране, прежде чем решиться выступить перед лицом Европы и освободиться от того национального или местного характера, который является частью моих идей» [6, с. 88–89].

Жажда такого духовного синтеза как нельзя лучше характеризуется той интеллектуальной почвой, из которой произросли идеи первого публичного русского мыслителя. Очевидно, что без масонского влияния мысли Чаадаева о духовности исторического процесса, о человеке как высшей потенции природных сил и о постижении науки жизни, позволяющей приблизиться к пониманию замысла Бога-Творца едва ли могли возникнуть. Сильное воздействие на него католической мысли, а также немецкой мистической философии сочеталось с чисто русским стремлением к объединению духовных вершин как западной, так и восточной культур. В этом смысле Чаадаев, с одной стороны, является первым результатом запущенного русскими масонами процесса формирования интеллигенции, а с другой стороны, — трагическим примером страстного поиска личных духовных оснований и преодоления мировоззренческого конфликта, типичного для многих интеллектуалов первой половины XIX столетия.

Список литературы / References

- [1] Карелова Л.Б. Проблемы модернизации Японии и межкультурное взаимодействие // Вестник Университета МГИМО. 2012, № 6 (27): 183–186.
 Karelova, L.B. “The Problems of Modernization in Japan and Crosscultural Interactions”, *Vestnik Universiteta MGIMO*, 2012, № 6 (27): 183–186. (In Russ.)
- [2] Миронова Т.Н. Основные направления культурной политики Японии: вестернизация и защита национального достояния // Региональные исследования–2016. 2016: 73–87.
- Mironova, T.N. “The Main Directions of Cultural Politics in Japan: Westernization and Defence of the National Legacy”, *Regionalnye issledovaniya–2016*, 2016: 73–87. (In Russ.)
- [3] Большая Энциклопедия. Масоны («Масонство в прошлом и настоящем»). М.: GELIOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компани, 2010.

- A Big Encyclopedia. Freemasons. ("Freemasonry in Its Past and Present")*, Moscow, GELIOS Publishing House; Kapitел Treid Kompani, 2010. (In Russ.)
- [4] Петр Чаадаев: Pro et Contra. СПб.: Издательство РХГИ, 1998.
Piotr Chaadaev: Pro et Contra, St. Petersburg: RHGI Publ., 1998. (In Russ.)
- [5] Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии (XI–XX вв.). СПб.: Летний сад, 2001.
Zamaleev, A.F. Lectures on the History of Russian Philosophy (XI–XX cent.), St. Petersburg, Letnii Sad, 1998. (In Russ.)
- [6] Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней.
Brachev, V.S. Freemasons in Russia: From Peter the Great up to Nowadays.
URL: <http://lib.align.ru/getbook/1530.html> (22/11/2021). (In Russ.)
- [7] Захаров В.Ю. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом.
Zakharov, V.Yu. The Main Stages of the Development of Freemasonry in Russia, its Relations to Constitutionalism.
URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov_masonry/ (22/11/2021). (In Russ.)
- [8] Мандельштам О.Э. Петр Чаадаев // Мандельштам О.Э. Шум времени. СПб.: Азбука-классика, 2007: 176–185.
Mandelsham, O.E. "Piotr Chaadaev", *Mandelsham, O.E. The Sound of Age*, St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2007: 176–185. (In Russ.)
- [9] Тесля А.А. Неизменность Чаадаева // Чаадаев П.Я. Философические письма, адресованные даме. М.: РИПОЛ классик, 2017: I–lvii.
Teslya, A.A. "The Permanence of Chaadaev", *Chaadaev, P.Ya. Filosoficheskie Pisma, Adresovannnye Dame*, Moscow, RIPOL classic, 2017: I—lvii. (In Russ.)
- [10] Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. Избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991.
Chaadaev, P.Ya. Complete Works. Selected Letters, Vol. 1, Moscow, Nauka, 1991. (In Russ.)
- [11] Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. Избранные письма. Т. 2. М.: Наука, 1991.
Chaadaev, P.Ya. Complete Works. Selected Letters, Vol. 2, Moscow, Nauka, 1991. (In Russ.)
- [12] Тарасов Б.Н. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1986.
Tarasov, B.N. Chaadaev, Moscow, Molodaya Gvardiya, 1986. (In Russ.)
- [13] Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и Масонство // Путь. 1926, № 4: 183–187.
Berdyayev, N.A. "Joseph de Maistre and Freemasonry", *Put'*, 1926, no. 4: 183–187. (In Russ.)